

МЫСЛЬ

ЖУРНАЛ ПЕТЕРБУРГСКОГО ФИЛОСОФСКОГО ОБЩЕСТВА

20

Издательство Санкт-Петербургского университета

2016

ББК 87.3
М95

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА «МЫСЛЬ»

Главный редактор

Д. Н. Разеев

Редакционная коллегия:

А. В. Малинов (зам. гл. ред.), **А. Б. Паткуль** (отв. секретарь),
С. А. Чернов, † **М. С. Уваров**

Редакционный совет:

† **Ю. Н. Солонин** (председатель), **Р. В. Светлов** (зам. председателя),
А. Валицкий, **А. А. Грякалов**, **А. А. Гусейнов**, **В. С. Диев**, **К. Н. Любутин**,
В. В. Миронов, **М. В. Попович**, **Е. Я. Режабек**, **Я. А. Слинин**

Ответственный редактор выпуска

А. В. Малинов

Печатается по постановлению

Ученого совета философского факультета

Санкт-Петербургского государственного университета

М95 **Мысль**. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2016. — 186 с. (Журнал Петербургского философского общества. Вып. 20).

В очередном выпуске журнала «Мысль» опубликованы статьи по истории русской философии, прежде всего, посвященные той философской традиции, которая сформировалась в Санкт-Петербурге. Рассматривается философское наследие В. С. Соловьёва, В. В. Розанова, С. С. Уварова, Н. В. Гоголя, А. Грина, Г. П. Федотова, Л. П. Карсавина, В. И. Ламанского и др.

Издание представляет интерес не только для специалистов, но и для широкого круга читателей.

ББК 87.3

Выпуск подготовлен к печати при финансовой поддержке
Комитета по науке и высшей школе Правительства Санкт-Петербурга

© Санкт-Петербургское философское общество, 2016

© Издательство Санкт-Петербургского университета, 2016

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

О. Назарова

Концепция интеркультурной философии и ее возможная рецепция
в контексте исследования русской философии 7

Л. Е. Артамошкина

В. В. Розанов, В. В. Библихин и «Русский лес». 19

М. Мильчарек

Разорванный человек. Василий Розанов о красоте в природе и ее смысле 23

Л. Налдониова

Петербургский период творчества Владимира Соловьева. 31

М. Моравский

Владимир Соловьев (Перевод и примечания *Т. Оболевич*). 38

А. Саканива

Идеал и действительность в русской философской поэзии 1820–1840-х гг. 79

Т. Симосато

Переосмысление концепции «народность»: С. С. Уваров как консервативный
мыслитель 87

М. Леховска

Трагедии в одеждах романа. Вячеслав Иванов о Достоевском 98

Д. Ваньчык

Петербург Д. С. Мережковского 105

М. Ю. Савельева

«Бедный, бедный черт» (Петербургский контекст творчества Гоголя
и Достоевского) 110

В. Л. Павлов
Философская тональность творчества Александра Грина 120

О. Э. Душин
Петербургские медиевисты Л. П. Карсавин и Г. П. Федотов:
от истории к философии 128

А. В. Малинов, И. Ю. Пешперова
«Будитель русского самосознания»: И. С. Аксаков в оценке петербургских
славянофилов. Статья первая 135

ХРОНИКА

В. В. Ворочай
Университетская философия в контексте социальных процессов:
интеллектуальная история и коллективная биография 155

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Н. И. Безлепкин
Во имя просвещенного патриотизма.
Рецензия на книгу: *Осипов И. Д.* Философия политики и права в России.
СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского государственного
университета, 2014. — 262 с. 163

А. Е. Рыбас
Еще раз о «конце» русской философии.
Рецензия на книгу: *DeBlasio A.* The end of Russian philosophy:
Tradition and transition at the turn of the 21st century.
New York: Palgrave MacMillan, 2014. — 216 p. 168

В. М. Соловьев
О делах сверхчеловеческих.
Рецензия на книгу: *Самохвалова В. И.* Сверхчеловек: Образ.
Метафора. Программа. М.: Ваш формат, 2015. — 400 с. 173

Summaries 178

Авторы 183

Тосиюки Симосато

ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ КОНЦЕПЦИИ «НАРОДНОСТЬ»: С. С. УВАРОВ КАК КОНСЕРВАТИВНЫЙ МЫСЛИТЕЛЬ*

В статье дается анализ концепции «народность», предложенной в 1830-х гг. консервативным мыслителем С. С. Уваровым. Согласно разделяемому им христианско-латиническому миропониманию, в истории действует божественное Провидение, посредством просвещения народов приближающее человечество к совершенному состоянию. В отличие от понятий «православие» и «самодержавие», для Уварова категория «народность» обозначала определенную сферу свободной деятельности «народа», или всех сословий Российской империи, — деятельности вне контроля церкви, но под покровительством царя и для укрепления государственности России. Уваров полагал, что «народность» является движущей силой истории не только России, но и всего человечества.

Ключевые слова: народность, С. С. Уваров, консерватизм, провидение.

Давая характеристику консерватизму, Р. Пайпс утверждал, что, в отличие от европейской традиции, «сущность русского консерватизма является самодержавием», которое было установлено в XVI в., а в заключение своей работы отмечал: «Слабость русского общества привела неизбежно к усилению самодержавного принципа и самоуверенности в нем. Оказалось, что это была судьба России» [31, с. XII].¹

Однако можно сказать, следуя за тем же Р. Пайпсом, что классический консерватизм, впервые в полной мере нашедший отражение в трудах Э. Бёрка, родился прежде всего в качестве идеологии, направленной против французской революции 1789 г. В основе консервативного мышления лежала убежденность в необходимости постепенных реформ, предполагающая уважение к историческому опыту и традиционным ценностям. Точно так же возникновение консерватизма в России следует считать не только реакцией на выступление декабристов (1825) и польское восстание (1830–1831), но и политическим выражением стремления к постепенным и умеренным реформам, призванным сохранить политический режим в изменяющейся международной среде. В отличие от так называемых «охранителей», упорно не признающих любые изменения, консервативные мыслители в России,

* Статья является сокращенным и переработанным вариантом исследования, опубликованного на японском языке. См.: Симосато Т. Переосмысление концепции «народность» у русских консервативных мыслителей 1830-х годов // Roshiashi kenkyu. 2014, No. 95, 2014. P. 3–26. Работа выполнена при поддержке JSPS KAKENHI (Grant No. 25370852).

подобно их единомышленникам на Западе, хорошо осознавали необходимость преобразования существующего порядка для того, чтобы сохранить традиционные ценности, подвергающиеся трансформации в западноевропейских странах.

Итак, «консерватизм» в России — это идеология, отличающаяся от «охранительства», предусматривающая постепенную реорганизацию социальной системы для ее выживания, вызванную динамическими изменениями внешней среды (Французская революция) и нарастанием внутреннего радикализма, направленного на всестороннее преобразование данной системы с точки зрения заранее определенных целей. Тексты С. С. Уварова, как самого влиятельного консерватора в России 1830-х гг., позволяют полнее всего раскрыть содержание этой идеологии. При этом нужно подчеркнуть, что Уваров — это не только высоко образованный интеллигент, но прежде всего государственный деятель, поэтому его выступления надо рассматривать как дискурс или культурную практику, имеющую цель не столько выразить его миропонимание, сколько вызвать изменения сознания у его слушателей или читателей. Иначе говоря, мы попытаемся прочесть тексты Уварова не как теоретика, а как практика, который всегда учитывает прежде всего эффект своей речи на «других», сохраняющих способность к субъективному выбору и действию.

Несомненно, что для анализа текстов Уварова необходимо рассмотреть известную идеологическую формулу «Православие — Самодержавие — Народность». И вместе с тем очевидно, что среди трех элементов уваровской триады термин «народность» является самым проблематичным. Его нередко интерпретировали как выражение поддержки крепостного права в официальной идеологии правительства Николая I [12, с. 368], подчеркивали его охранительную идейную функцию [32; 34; 29; 30; 24] или считали вариантом «русской национальной идеи» [26, с. 124].

В последнее время новые материалы дали возможность обратить внимание на культурный и философский контекст учения Уварова [7; 17]. Исследователи показали значение немецких мыслителей на формирование его взглядов [6], подчеркнув симпатии Уварова к общеевропейскому классицизму [23]. Сравнительному анализу подвергся консерватизм Жозефа де Местра и Уварова [8], его противоборство с бывшим министром А. С. Шишковым [3]. Все это внесло заметное разнообразие в интерпретацию уваровской концепции. Так, В. А. Сендеров полагает, что его идеологема была проектом проведения европеизации России сверху [13]. О. В. Головашина, отмечая «динамичный характер категории “народность”», истолковывает ее как «идеал национальной идентичности», призванный выполнять функцию интеграции нации: «...“народность” — идеологическая форма, разрешающая противоречия между “нацией” и “народом”; “народом” и “простонародьем”; высшими низшими сословиями, не включая и не исключая последних из состава нации-народа» [4, с. 68]. Н. Н. Агейкина обратила внимание на то, что в уваровской триаде нет места для аристократии, из чего она делает вывод о том, что в концепции Уварова «опора для самодержавия — это народ» [1, с. 234]. Даже Р. Пайпс начал считать, что Уваров был «либеральным консерватором», «по-скольку не верил, что Россию можно удержать одним только насилием, и считал,

что просвещение, подкрепленное образованием, постепенно избавит государство от необходимости применять репрессии» [10, с. 4].

В связи с разнообразием интерпретаций важно выяснить, в каком смысле и в каком контексте термин «народность» употреблялся во времена Уварова. Кроме того, надо отметить, что переосмысление концепции «народность» у министра народного просвещения в 1830-е гг. было тесно связано с переоценкой значения не только споров славянофилов и западников 1840-х гг., но и идей так называемых «народников» [1]. Об этом уже намекал Г. Шпет: «Ошибка Уварова — поздно; когда правительственная интеллигенция свою роль выполнила, да и вообще Россия петербургская... Духовное руководство теперь переходит к оппозиционной интеллигенции, интеллигенции *per se*, по нашим понятиям. Уваровская формула не годилась, потому что, во-первых, народность взята психологически, как признание православия и самодержавия... Народность славянофилы брали не только психологически, и тут их заслуга, но они взяли исторически, и тут их промах. Кроме того, они забыли, что Россия не *Ding an sich*, а *отношение*, и нет проблемы России безотносительно к Востоку или Европе. Западники это уразумели, но Европу взяли *отвлеченно*, а не коллективно. Личность “*вообще*” решала вопросы. Народники поправили дело: русская личность. Их социализм религиозен (социальное решение космических проблем)» [25, с. 522]. Это означает, что и славянофилы, и западники, и даже народники отталкивались от психологического понятия «народность». Конечно, нужно проверить достоверность гипотезы Г. Шпета, проследить преемственность проблематики «народности» в истории русской философии.

Для анализа текстов Уварова нужно указать на те жизненные задачи, которые стремились решить консервативные мыслители в России. Западноевропейские консерваторы не нуждались в такой мере в идеологии, объединяющей население метрополии и ее многочисленных заморских колоний. Иная ситуация сложилась в России, населенной не только русскими и православными. Необходима была идеология, способная объединить совместно проживающие в империи различные этнические и конфессиональные группы. В этом отношении важно рассмотреть отношение консервативных мыслителей к нерусскому населению, проживающему на имперской «периферии», особенно к «азиатским» этносам как другим-«иным», отличающимся от западных-«иных». Вместе с тем, нельзя недооценивать духовную мотивацию западноевропейских консерваторов, также как и религиозные идеи русских консервативных мыслителей, тем более, что до сих пор исследования русского консерватизма были сосредоточены почти исключительно на анализе их гражданской деятельности. Сегодня становится особенно актуальным изучение указанных аспектов, поскольку предшествовавшие исследования исходили в основном из тезиса о преобладании секулярного типа культуры в модернизирующихся обществах [27]. Этим объясняется важность вопроса об отношении русских консерваторов, испытывавших влияние европейских просветительских идей, к православной традиции, господствовавшей в империи.

* * *

Известно, что Уваров был потомком знатного татарского князя, перешедшего на русскую службу в XV в. В годы царствования Александра I он близко общался с И. А. Фесслером, немецким востоковедом и последователем платонизма. Французский консервативный философ Жозеф де Местр резко критиковал увлечение Уварова христианским платонизмом, усматривая в нем секулярные тенденции [35, с. 12, 21, 23].

Еще в молодости Уваров, находясь на дипломатической службе за границей, признавал важность востоковедения, интерес к которому возрастал у европейских ученых. В 1810 г. он опубликовал брошюру «Проект Азиатской академии» для того, чтобы убедить правительство в необходимости изучения восточных культур. Он понимал всемирно-историческое значение Азии в качестве одной из основ человеческой цивилизации [21, с. 204; 33, с. 177]. Брошюра Уварова была разослана не только правительственным сановникам, но и крупнейшим востоковедам и дипломатам Франции и Германии [9, с. 68]. Не означает ли этот факт, что проект Азиатской академии Уваров не ограничивал только национальными интересами России?

Его взгляд на «народ» полнее всего выражен в брошюре «О преподавании истории относительно к народному воспитанию» (1813), которую Уваров опубликовал, будучи попечителем Санкт-Петербургского учебного округа. Называя, вслед за Цицероном, историю «наставницей жизни», он писал, что «в народном воспитании преподавание истории есть дело государственное» [18, с. 12]. Цель образования он определял следующим образом: «...распространяя между согражданами луч наук и просвещения, должно возбуждать и сохранять, сколько можно, народный дух и тот изящный характер». Преподаватели истории должны быть «прямо орудием Правительства и исполнителем его высоких намерений» [18, с. 24]. В заключении Уваров отмечал: «История, на таком основании преподаваемая, образует граждан, умеющих чтить обязанности и права свои, судей, знающих цену правосудия, воинов, умирающих за Отечество, опытных вельмож, добрых и твердых *царей*» (курсив мой. — Т. С.) [18, с. 24]. Уваров признавал преимущество «народного духа», воплощенного в истории и пробуждаемого в народе посредством изучения истории, над личностью государя. Этот принцип и является ключом для понимания уваровской триады «Православие — Самодержавие — Народность».

Как отмечалось исследователями, первое упоминание триады Уварова содержится в его письме императору Николаю I, написанном на французском языке в марте 1832 г. [7]. Однако подлинник этого письма до сих пор неизвестен. Поэтому считается, что впервые официально известная триада была использована в «Отчете по обозрению Московского университета (4 декабря 1832 г.)» [17; 11, с. 40]. Впоследствии эта формула была воспроизведена в докладе к царю «О некоторых общих началах, могущих служить руководством при управлении Министерством народного просвещения» от 19 ноября 1833 г. [16]. Обнародование же уваровской триады состоялось только в 1834 г., когда он стал министром народного просвещения [14].

Анализируя первые упоминания триады, необходимо иметь в виду, что это было фактически частное мнение чиновника, высказанное императору о направлении деятельности министерства народного просвещения. Уваров, имея в виду «Сунгуровское дело» (1832), по которому были арестованы двадцать пять студентов Московского университета, докладывал в разделе «Об общем духе университета» в «Отчете по обозрению Московского университета (4 декабря 1832 г.)»: «...я твердо уповаю, что нам остаются средства сих ошибок не повторять и, постепенно завладевши умами юношества, столько же доверенностью и кротким назиданием, сколько строгим и пронизательным надзором, привести оное почти нечувствительно к той точке, где слиться должны к разрешению одной из труднейших задач времени, — образование правильное, основательное, необходимое в нашем веке, с глубоким убеждением и с теплой верой в истинно русские хранительные начала Православия, Самодержавия и Народности, составляющие последний якорь нашего спасения и вернейший залог силы и величия нашего Отечества» [17, с. 300]. Иными словами, здесь «народность» выступает как охранительное начало и должна соединиться с образованием, которое, естественно, имеет просветительский характер. Н. Барсуков отмечал, что в своем докладе Уваров настаивал на реформировании министерством народного просвещения Московского университета, чтобы обезопасить его от вмешательства со стороны министерства внутренних дел и жандармов [2, с. 81–82]. Поэтому профессора университета выразили благодарность попечителю Уварову [12, с. 381].

Здесь можно отметить, что выражение «народный дух», или «народность», противопоставлялось Уваровым девизу «дух народной гордости», предложенному его предшественником на посту министра А. С. Шишковым [3, с. 160].

В докладе «О некоторых общих началах, могущих служить руководством при управлении Министерством народного просвещения» от 19 ноября 1833 г. Уваров придал термину «народность» более определенное значение, противостоящее охранительной позиции А. С. Шишкова. В своем отчете Уваров определил «православие» и «самодержавие» как статичные начала, опирающиеся на прошлое, а «народность», напротив, в его понимании выступало динамическим началом, направленным в будущее. «Наряду с сими двумя национальными началами (т. е. православной верой и самодержавием. — Т. С.) находится и третье, не менее важное, не менее сильное: народность. Дабы трон и церковь оставались в их могуществе, должно поддерживать и чувство народности, их связующее. Вопрос о народности не имеет того единства, какое представляет вопрос о самодержавии; но тот и другой проистекают из одного источника и совокупляются на каждой странице истории русского народа. Относительно народности, все затруднение заключается в соглашении древних и новых понятий; но народность не состоит в том, чтобы идти назад или останавливаться; она не требует неподвижности в идеях» [16, с. 71].

Здесь можно сказать, что в докладе министра народного просвещения «народность» имеет значение не столько эмпирических фактов, опирающихся на прошлые события или действительность, сколько идеи, которая должна реализоваться в будущем, или, согласно К. Маннгейму, утопии. Наряду с триадой

«Православие — Самодержавие — Народность» Уваров использовал и другие триады: «Вера — Любовь — Надежда» (духовные принципы, которых должны придерживаться последующие поколения) и «Бог — Государь — Отечество» (предметы служения) [16, с. 72]. Таким образом, можно сказать, что министр определял «народность» в качестве надежды, или образа будущего Отечества. В этом контексте можно утверждать, что, в отличие от «православия» и «самодержавия», уваровская «народность» имела значение добровольной сферы деятельности «народа», т. е. всех сословий Российской империи, *вне* контроля церкви и *под* покровительством царя для укрепления государства. Можно согласиться с утверждением Н. Н. Зипунникова о «возможности соотносимости “народности” и “нравственности”» в министерском циркуляре от 27 мая 1833 г. [5, с. 12].

В 1834 г. в предисловии к первому номеру «Журнала министерства народного просвещения» Уваров призывал к «внутреннему совершенству на всех путях гражданской жизни» в духе «бессмертного Просветителя России» [20, с. III–IV], признавая, что раньше для достижения этой цели жертвовали «народным самолюбием» и «частью народного ее (России. — Т. С.) характера». Он писал: «Ныне другое время: Россия стоит на высокой степени величия, имеет внутреннее сознание своего достоинства и видит на троне другого тем же Провидением ниспосланного царя — хранителя и веры ее и народности» [20, с. V].

Таким образом, Уваров впервые заявил о «народности» как необходимом элементе образования, чтобы убедить общественность в том, что главная задача народного просвещения состоит не в принудительном усвоении внешнего знания, а в добровольном пробуждении самосознания народа, которому покровительствует поставленный Провидением новый государь. Уваров связал «народность» с Провидением, иллюстрируя эту связь сменой монархов. При этом стоит обратить внимание на то, что министр под термином «народность» подразумевал народное самолюбие и народный характер, которым обладает не только русский народ, но и любой другой народ, затронутый просвещением, соответствующий идеалу «универсального человека». Он писал: «Если выход из грубой тьмы невежества и непрерывное дальнейшее движение к свету необходимы для человека, то попечительное в сем деле участие правительств необходимо для народов. Только правительство имеет все средства знать и высоту успехов всемирного образования, и настоящие нужды Отечества» [20, с. IV].

Можно полагать, что представления Уварова о будущности России были реализованы в реформах, проводимых им в 1830–1840-х гг. Например, уваровские реформы стимулировали враждебное отношение к философскому образованию, сделали греческий язык обязательным предметом обучения, подняли авторитет практических дисциплин, в том числе истории. Здесь надо отметить немецких романтиков (Ф. Шлегеля, И. Гёте, Г. Гейне, И. Гердера, Ф. Гумбольдта и др.) [6; 23; 9] и ориенталистов (И. Фесслер, Ю. Клапрота), повлиявших на формирование мировоззрения Уварова [35, с. 21; 9, с. 67]. Враждебное отношение к философии, возможно, было вызвано господством в русских учебных заведениях немецкой философии Х. Вольфа. Вольф был основоположником немецкой философской терминологии, однако его философская система воспринималась в России как

новая схоластика, препятствующая распространению немецкого идеализма. Тем не менее, благодаря немецкому романтизму получил распространение такой тип мышления, который преодолел западноевропейский «универсальный» разум, воплощенный в системе Вольфа, и позволил придти к утверждению, что все человеческие идеи должны воплотиться в процессе исторического развития в разных национальных и культурных формах. Уваров размышлял в этом же направлении. Для него греко-римская античность и Древний Восток были источниками «истинной», универсальной образованности, которая была воспринята на Руси через посредство Византии [23, с. 268–269; 34, с. 510, 512–513, 516].

* * *

В решении вопроса о роли религии в жизни общества, в системе образования и в культуре в целом Уваров исходил из того, что все религии препятствуют распространению «тлетворного атеизма». Исходя из этого он не придавал большого значения разделению христианства на западное и восточное. Уваров, вероятно, испытывал симпатии к католицизму, хотя и полагал, что Рим должен отказаться от нетерпимого отношения к другим христианским церквям и трансформироваться во вселенское христианство. Все это объясняет терпимость Уварова к вероисповеданиям евреев, униатов и поляков [13, с. 119–120, 122; 28, с. 59]. По словам М. И. Дегтяревой, «российский консерватор полагал, что *религиозный эклектизм* не только является спасительным лекарством от материализма и способствует сближению различных ветвей христианства, но и вполне удовлетворяет современным духовным исканиям» [8, с. 108]. Отсюда становится понятно, почему Уваров в черновом франкоязычном автографе письма Николаю I использовал не слово «Orthodoxie», а словосочетание «Religion national», т. е. народная религия [19, с. 93]. Можно сделать вывод, что он считал православие верой русского народа, ведущей его к вселенному христианству.

Конечно, обращение Уварова к древним эпохам и изначальной надконфессиональной религии можно объяснить «восприятием истории как *мирового декаданса — постепенного удаления от состояния первоначального совершенства*» [8, с. 106]. Однако надо заметить, что Уваров видел в истории человечества не столько деградацию, сколько постепенное возвращение к первоначальному совершенному состоянию, что и подталкивало его к консервативным реформам. Именно так можно истолковать высказывания из его «Речи в торжественном собрании Главного Педагогического Института 22 марта 1818 года»: «Нельзя приписать разрушения феодального рабства одним крестовым походам. Главным доказательством сему служит то, что крестовые походы не образовали *свободных поселян*. И если вы спросите, какая могла тому быть причина, то история вам скажет, что большие политические перемены сего рода суть медленный плод времен, свободное действие духа народного, обмен взаимных выгод всех государственных сословий; она вам скажет, что освобождение *души* чрез просвещение должно предшествовать освобождению *тела* чрез законодательство» [22, с. 269].

Уваров отдавал явное предпочтение свободному внутреннему совершенствованию человека над внешним, принудительным изменением окружающей его среды. Примат «души» над «телом» в концепции Уварова — это следствие влияния платоновского идеализма, настаивавшего на необходимости «освобождения» души от тела. В этом же ключе Уваров рассуждал о том, что крепостник, пребывающий в плену у материальных интересов, после благодетельного воздействия просвещения, которое пробудит в нем духовное начало, добровольно освободит не только свою душу, но и принадлежащие ему крепостные души.

В 1831 г. незадолго до формулирования своей триады Уваров выступил в Академии наук с речью «О народонаселении в России», в которой обратился к учению французского физиократа Ф. Кене. «За полвека и более К. Кене (Quensnay) и его школа проповедовали, — говорил Уваров, — что ни один зародыш не должен пропадать во всем пространстве мира, нисколько не заботясь о том, что с ним станет, когда он получит существование. В нынешнее время предлагают правительствам самые странные и даже некоторым образом смешные средства для приостановления избытка народонаселения. Сии разительные крайности достаточно показывают, сколь политическая экономия заблуждалась относительно одного сего предмета и сколь мало известны еще истинные границы ее исследований» [15, с. 288]. Уваров критиковал здесь политику регулирования рождаемости, предложенную в «Очерке о законе народонаселения» английского экономиста Т. Мальтуса. Будущее Российской империи виделось ему следующим образом: «Итак, в то время, когда одна часть империи, отличающаяся преимуществом познаний и капиталов, ближайшим сношением с Европою, посвятит себя торговой и мануфактурной промышленности, другая часть, пользуясь благоприятным небом и богатыми нивами, тем более устремится к земледелию, что найдет менее состязания в производстве, более сбыту для продуктов хлебопашества. Мы имеем полное право надеяться, что правительство под десницею великодушного монарха будет покровительствовать сему одновременному развитию двух различных сил государственных узаконениями простыми, твердыми, согласными с духом нашего народа и с обстоятельствами. Тогда Россия, в коей все ново, которая представляет в одно время отпечаток всех веков, Россия, о коей нельзя судить ни по принятым правилам, ни по европейским теориям, Россия, сама себя обогащающая и сама потребляющая, посредством обмена большей части своих продуктов укрепит на прочной степени благосостояния и решит одну из затруднительнейших задач политической экономии» [15, с. 293].

Таким образом, Уваров видел перспективу будущего экономического устройства Российской империи в своего рода «автаркии», т. е. такой экономической системе, которая сама себя обеспечивает и минимально зависит от внешнего товарооборота. Такую систему можно назвать «экономическим самодержавием». При этом он подчеркивал важность объединенных усилий всех сословий, поскольку «для достижения сей возвышенной цели должны мы не только ожидать благотворных мер со стороны правительства, но еще сами обязаны всеми силами содействовать оному. Государственный человек у кормила правительства, писатель в тишине кабинета, помещик посреди своих поселян, торговец, фабрикант,

крестьянин — все должны стремиться к возможному соединению пользы каждого с пользой всех» [15, с. 293]. Таков набросок идеального государственного устройства, какое виделось министру народного просвещения перед тем, как он сформулировал свою триаду «Православие — Самодержавие — Народность».

Для ее реализации, согласно Уварову, необходимы «*русская система и европейское образование*; система русская — ибо то только полезно и плодотворно, что согласно с настоящим положением вещей, с духом народа, с его нуждами, с его политическим правом; образование европейское — ибо больше, как когда-нибудь, мы обязаны вглядываться в то, что происходит вне пределов отечества, вглядываться не для слепого подражания или безрассудной зависти; но для исцеления собственных предрассудков и для знания лучшего» [15, с. 293].

Можно считать, что перспектива развития страны, как ее понимал Уваров, нашла концентрированное выражение в его знаменитой триаде. Если это так, то консервативная мысль Уварова не сводилась к охранительной идеологии, защищающей самодержавие и крепостное право, а представляла собой консервативную утопию, согласно которой государственный организм хотя и воплощает в себе исторические, религиозные и политические начала (православие и самодержавие), но опирается на всех поданных империи, сохраняющих свою субъектность и самостоятельность, а также усваивает полезные культурные достижения других народов. На основе такого видения будущего Уваров уповал не только на деятельность правительства, но и призывал к активному сотрудничеству все население империи. Этой цели должен был служить и «Журнал министерства народного просвещения». Для Уварова, как консервативного мыслителя и главы министерства народного просвещения, «народность» была символом динамических сил русского общества, ведущих Россию к общему для всего человечества совершенному состоянию.

Литература

1. Агейкина И.Н. Идеологемы «народ» и «народность» в русской публицистике XIX в. // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2008. № 11.
2. Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 4. СПб., 1891.
3. Березкина С.В. Отклик В. А. Жуковского на брошюру С. С. Уварова «О преподавании истории относительно к народному воспитанию» (1813) // Жуковский: Исследования и материалы. Вып. 2. Томск, 2013.
4. Головашин О.В. Национальная идентичность в России: базовая модель // *Fractal simulation*. 2011. № 2.
5. Зипунникова Н.Н. Идеологема «Самодержавие — Православие — Народность» в политике российского государства в сфере образования и науки первой половины XIX в.: нормативно-правовое закрепление и проблемы реализации // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2010. Вып. 4 (10).
6. Зорин А. Идеология «православия-самодержавия-народности» и ее немецкие источники // В раздумьях о России (XIX век) / под ред. Е. Л. Рудницкой. М., 1996.

7. Зорин А. Идеология «православия-самодержавия-народности»: опыт реконструкции (Неизвестный автограф меморандума С. С. Уварова Николаю I) // Новое литературное обозрение. 1997. № 26.
8. Дегтярева М.И. Лучше быть якобинцем, чем фейяном // Вопросы философии. 2006. № 7.
9. Киселев В.С. «...Чтобы в России заведена была Азиатская Академия»: «Project d'une Académie Asiatique» С. С. Уварова в истории российского ориентализма // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2012. № 3 (19).
10. Пайпс Р. Сергей Семёнович Уваров: Жизнеописание. М., 2013.
11. Парсамов В.С., Удалов С.В. Сергей Семенович Уваров // Уваров С.С. Избранные труды. М., 2010.
12. Пыпин А.Н. История русской этнографии. Т. 1. СПб., 1890.
13. Сендеров В.А. «Православие. Самодержавие. Народность». Европейский проект для России // Вопросы философии. 2013. № 10.
14. Уваров С.С. Десятилетие Министерства народного просвещения. 1833–1844 // Уваров С.С. Избранные труды. М., 2010.
15. Уваров С.С. О народонаселении в России // Уваров С.С. Избранные труды. М., 2010.
16. Уваров С.С. О некоторых общих началах, могущих служить руководством при управлении Министерством народного просвещения, от 19 ноября 1833 г. / Публ. М. М. Шевченко // Государь. Государство. Государственная служба. М., 1995.
17. Уваров С.С. Отчет по обозрению Московского университета (4 декабря 1832 г.) // Уваров С.С. Избранные труды. М., 2010.
18. [Уваров С.С.] О преподавании истории относительно к народному воспитанию. СПб., 1813.
19. Уваров С.С. Письмо Николаю I. / Публ. А. Зорина // Новое литературное обозрение. 1997. № 26.
20. [Уваров С.С.] [Предисловие] // Журнал министерства народного просвещения. Т. 1. 1834.
21. Уваров С.С. Проект Азиатской академии // Уваров С.С. Избранные труды. М., 2010.
22. Уваров С.С. Речь Президента Императорской Академии наук, Попечителя Санкт-Петербургского учебного округа, в торжественном собрании Главного Педагогического Института 22 марта 1818 года // Уваров С.С. Избранные труды. М., 2010.
23. Фролов Э.Д. Граф Сергей Семенович Уваров и академический классицизм // Петербургская академия наук в истории. СПб., 1999.
24. Ширинянц А.А. Нигилизм или консерватизм? Русская интеллигенция в истории политики и мысли. М., 2011.
25. Шпет Г. Очерки развития русской философии. II: Материалы / Реконструкция Т. Г. Щедринной. М., 2009.
26. Эймонтова Р.Г. В новом обличье (1825–1855 гг.) // Русский консерватизм XIX столетия / Под. ред. В. Я. Гросула. М., 2000.
27. The Desecularization of The World: Resurgent Religion and World Politics / ed. by P. L. Berger Washington, D.C.: Ethics and Public Policy Center, 1999.
28. Etkind A. Internal Colonization: Russia's Imperial Experience. Cambridge: Polity Press, 2011.

SUMMARIES

Nazarova O. THE CONCEPT OF INTERCULTURAL PHILOSOPHY AND ITS POSSIBLE RECEPTION IN THE CONTEXT OF STUDYING RUSSIAN PHILOSOPHY [p. 7–18]

The article deals with the problem of regarding Russian philosophical thought as a part of European philosophy to stress that Russian thought needs in a self-identification. The author provides a philosophical and methodological paradigm which she believes will help to solve this problem by means of an equitable dialogue between Russian thought and European philosophy, each of them preserving its own originality. The paradigm refers to the intercultural philosophy which appeared in Austria and Germany in the late 80's — early 90's of the 20th century and is not widely known in Russia yet. The essence and basic ideas of the intercultural philosophy are analyzed, the names of the most important intercultural philosophers are mentioned, their brief scientific biographies are given. The author argues that there is a similarity between this paradigm and the approaches of the Russian émigré philosophers of the 20th century. She concludes that this paradigm might be used when studying Russian philosophy.

Key words: intercultural philosophy, methodology of history of philosophy, Russian philosophy of the 20th century, S. L. Frank.

Artamoshkina L. E. V. V. ROZANOV, V. V. BIBIKHIN, AND «THE RUSSIAN WOOD» [p. 19–22]

The article reveals the substantial identity of thought of the two Russian philosophers V. V. Rozanov and V. V. Bibikhin, shows the continuity of their ideas, and discovers the historical reasons why they paid attention to solving the same problems. The author proposes a new methodology for the further comparative research. The stylistic approaches used in the article demonstrate the importance of understanding that the meaning of a philosophical text and its expression are deeply interdependent. This interdependence should be taken into consideration when analyzing V. V. Rozanov's and V. V. Bibikhin's philosophical texts.

Key words: diary, impression, thought, letter, text, image.

Milcharek M. THE TORN MAN. VASILY ROZANOV ABOUT THE BEAUTY IN NATURE AND ITS MEANING [p. 23–30]

The article is aimed at analyzing one of the early texts by V. Rozanov, “Beauty in Nature and Its Meaning” (1895), which demonstrate the “dialectic of contradiction” peculiar to this period of Rozanov's creative work. Besides that, this text makes it possible to understand why Rozanov changed his position later. The thinker believed that beauty depends on the intensification of vital energy and the latter becomes the most intensive during the process of copulation. Then Rozanov appeals to anthropology and claims that

the organic energy transforms into the psychic one by means of “sublimation”. Its peak is a religion because here the energy somehow goes beyond itself — into the sphere of the transcendent. However, this dialectic conceals a fundamental contradiction: on the one hand, the highest manifestation of the energy is a coition; on the other hand, it is God. This text can be considered to be the first attempt to protest against Christianity and to make up the “gender metaphysics” in order to annihilate the contradiction. First Rozanov tried to do that in his letters to S. Rachynski (1897) and then in his book “In the World of the Obscure and the Uncertain” (1901). The thinker defined the coition as a transcendent act in which man and nature are deified.

Key words: Rozanov, Russian philosophy, energy, beauty, gender, tree of life.

Naldoniova L. THE PETERSBURG PERIOD OF VLADIMIR SOLOVIEV’S CREATIVE WORK [p. 31–37]

The article deals with the Petersburg period of the Russian religious thinker, poet, and literary critic Vladimir Soloviev and his attitude to F. Dostoevsky. The public lectures on Godmanhood which Soloviev began delivering in 1878 influenced many famous writers and poets including Dostoevsky who also took part in the discussion of Soloviev’s doctoral thesis. The period when Soloviev lived in St. Petersburg is that which is called his “theosophic period” when he was trying to create his own philosophical system. This resulted in publishing “Lectures on Godmanhood”, “The Philosophical Principles of Integral Knowledge”, and “A Critique of Abstract Principles” which can be considered the most important of Soloviev’s works.

Key words: Soloviev, Dostoevsky, theosophical period, beauty, Godmanhood, truth.

Morawski M. VLADIMIR SOLOVIEV (TRANSLATED AND COMMENTED BY TERESA OBOLEVICH) [p. 38–78]

It is a Russian translation of the classical article of the Polish Jesuit and philosopher Fr. Marian Morawski about Vladimir Soloviev (1890). In this text Morawski first of all considers the social and political views of Soloviev. Secondly, he admires the ecumenical project of the Russian thinker. According to him, Soloviev is a hidden catholic because he dreams of a reunion of the Eastern and Western churches under the rule of the Pope. Thirdly, Morawski criticizes Soloviev’s sophiological ideas formulated in his work “Russia and the Universal Church”. On the whole, the author is very friendly to Soloviev and treats his sophiology as an exception from the rule and as a result of the German influence on the Russian philosopher.

Key words: Vladimir Soloviev, Marian Morawski, ecumenism, sophiology, Universal Church, Orthodoxy, Catholicism.

Sakaniwa A. THE IDEAL AND REALITY IN THE RUSSIAN PHILOSOPHICAL POETRY OF THE 1820–1840-ies. [p. 79–86]

The article provides an analysis of the “philosophical poetry” — a specific form of philosophizing which was peculiar to the Moscow literary-philosophical societies of the first half of the 19th century. The influence of the German classical philosophy, especially F. Schelling’s works, on the Russian thinkers in their understanding poetry as the genuine

philosophy is mentioned. The author considers Plato's influence as well and shows that Platonism was believed to be the basis for philosophy. However, the "philosophical poetry" was formed in Russia due to the criticism of Plato's thesis that there should be no poets in the ideal state. It is shown that among the different opinions appeared during the discussions there was the only one — that of V. G. Belinsky — which can be characterized as the most appropriate because V. G. Belinsky insisted that poetical creative work should be conditioned by no "highest" goal including that of the service to the people.

Key words: philosophical poetry, Venevitinov, Stankevich, Schelling, Plato, public convenience, Belinsky.

Simosato T. RETHINKING ON THE CONCEPT OF "NATIONALITY": S. S. UVAROV AS A CONSERVATIVE THINKER [p. 87–97]

This article offers an analysis of the concept "nationality" proposed by the conservative thinker S. S. Uvarov in the 1830s. He adhered to Christian Platonism according to which it is divine Providence that determines the historical process and by means of the enlightenment of the nations drives the mankind to its perfect state. In contrast to the notions "orthodoxy" and "autocracy", S. S. Uvarov considered "nationality" as a notion to refer to some area of free activity of the "nation", or all the estates of the Russian Empire, where it was possible to work being out of control of the church but under the patronage of the tsar to strengthen the statehood of Russia. S. S. Uvarov believed that "nationality" was the main motive power of history in Russia as well as in the world.

Key words: nationality, S. S. Uvarov, conservatism, Providence.

Lechowska M. TRAGEDIES IN THE FORM OF THE NOVEL. VYACHESLAV IVANOV ABOUT DOSTOYEVSKY [p. 98–104]

The paper presents Vyacheslav Ivanov's interpretation of Fyodor Dostoyevsky's works. In the opinion of the Silver Age poet, Dostoyevsky's writings are tragedies in the form of the novel. The author confronts two interpretations of Ivanov's works on Dostoyevsky. A special attention is paid to analyzing Mikhail Bakhtin's position. Bakhtin considered Ivanov to be a brilliant commentator of Dostoyevsky's novels. However, Ivanov was criticized by Bakhtin because he had reduced the dialogic principle to the monologic one and this way had distorted the main ideas of Dostoyevsky's novels. Contrary to Bakhtin, the author tries to prove that the dialogic, or tragic, principle is the substantial moment of Ivanov's works on Dostoyevsky. Furthermore, she raises the question concerning the two conflicting perspectives characteristic of Dostoyevsky's worldview: monologic and tragic.

Key words: philosophy of tragedy, dialogic principle, monologism, philosophy of action, mystical ecstasy, phenomenon of the tragic in Vyacheslav Ivanov's conception.

Wanczyk D. SAINT PETERSBURG OF D. S. MEREZHKOVSKEY [p. 105–109]

The article considers the influence Saint Petersburg exerted on D. S. Merezhkovsky's life and writings. The relationship between the city and the philosopher who lives and works in it is analyzed. The author claims that the place where a philosopher lives has some influence on his creative activity, as well as the creative activity of a philosopher influences on the historical development of the place where he lives. Besides that, there

mentioned exact addresses of the places in Saint Petersburg which had an effect on D. S. Merezhkovsky's life and literary activity.

Key words: philosophy of city, Silver Age of Russian culture, new religious consciousness, religious and philosophical meetings, Religious and Philosophical Society, Muruzi House, Gippius and Merezhkovsky literature centre.

Savelyeva M. Yu. «POOR, POOR DEVIL» (ST. PETERSBURG CONTEXT OF THE CREATIVE ACTIVITY OF GOGOL AND DOSTOYEVSKY) [p. 110–119]

The article deals with the foundation of the creative activity of Gogol and Dostoyevsky. The ambivalent and mythological character of the creative process is shown, the influence of St. Petersburg cultural atmosphere on the creative and civic development of both writers is revealed. The image of the devil is analyzed in the context of Gogol's and Dostoyevsky's interpretations of the subject of creative activity.

Key words: myth, creative activity, character, laughter, literature, vulgarity, satire, faith.

Pavlov V. L. THE PHILOSOPHICAL TONALITY OF ALEKSANDR GRIN'S CREATIVE WORK [p. 120–127]

The article presents a philosophical analysis of A. Grin's creative work. The basic philosophical questions and problems expressed in literary forms in the writings of A. Grin are determined. The nature of the relationship between the real and the fantastic in the writer's artistic method is analyzed. The specificity of using symbols in Grin's novels is shown. It is concluded that his creative work is kind of existentialism.

Key words: man, world, society, meaning of life, symbol, romanticism, future, occasion.

Dushin O. E. THE PETERSBURG'S MEDIEVALISTS L. P. KARSAVIN AND G. P. FEDOTOV: FROM HISTORY TO PHILOSOPHY [p. 128–134]

The article concerns the history of the formation of the scientific activity and philosophical views of the well-known Russian thinkers Lev Platonovich Karsavin and Georgy Petrovich Fedotov who belonged to St. Petersburg school of medieval studies headed by Prof. Ivan Mikhailovich Grevs. It is proved that studying the spiritual and cultural heritage of the Middle Ages of Western Europe had an influence on the development of the Russian humanities and original religious philosophical thought at the turn of the 20th century. The author shows that the doctrine of Aurelius Augustine was of great importance for both Karsavin and Fedotov as it helped to form them their scientific methodology and philosophical principles. It is explained why the Russian scholars turned from historical studies to philosophy of history and then to social and religious theories.

Key words: St. Petersburg school of mediaeval studies, L. P. Karsavin, G. P. Fedotov, I. M. Grevs, Aurelius Augustine, personality, history, religiosity, antinomism, akribia.

Malinov A. V., Peshperova I. Yu. «INSPIRER OF THE RUSSIAN SELF-CONSCIOUSNESS»: I. S. AKSAKOV CHARACTERIZED BY THE ST. PETERSBURG SLAVOPHILS. ARTICLE ONE [p. 135–152]

The article discusses the history of relations between the St. Petersburg Slavophiles, first of all between the St. Petersburg University professor Vladimir Ivanovich Lamansky

(1833–1914) and Ivan Sergeevich Aksakov (1823–1886). Both published and archival materials including the correspondence between the philosophers are used in the article. Some ideas of what personality I. S. Aksakov was in the opinion of V. I. Lamansky are given. It is concluded that the St. Petersburg Slavophiles highly appreciated both the political journalism of I. S. Aksakov and his active public and publishing activities.

Key words: I. S. Aksakov, V.I. Lamansky, Slavophilism, journalism, ideology, freedom of speech.

Vorochai V. V. THE UNIVERSITY PHILOSOPHY IN THE CONTEXT OF SOCIAL PROCESSES: INTELLECTUAL HISTORY AND COLLECTIVE BIOGRAPHY [p. 155–160]

The article is a brief report of the work done by now concerning the fundamental scientific research of St. Petersburg State University “The University philosophy in the context of social processes: intellectual history and collective biography” which is being fulfilled by some professors, postgraduates and students of Institute of Philosophy and Institute of History of St. Petersburg State University. The main aims and goals of this research are mentioned, its specific features and differences from other socio-biographical projects dealt with the history of Russian science and higher school are determined, the basic methodological principles used in the research are explained. Special attention is paid to the results of the scientific research work. It is stressed that the main result of the work is the preparation of a new biographical dictionary of the St. Petersburg University philosophers.

Key words: research, philosophy, St. Petersburg University, higher school, biography.

Bezlepkin N. I. IN THE NAME OF ENLIGHTENED PATRIOTISM [p. 163–167]

Review of the monograph: Osipov, I. D. “Philosophy of politics and law in Russia”. SPb.: Publishing house of St. Petersburg State University, 2014. — 262 p.

Rybas A. E. ONCE MORE ABOUT THE “END” OF RUSSIAN PHILOSOPHY [p. 168–172]

Review of the monograph: DeBlasio, A. The end of Russian philosophy: Tradition and transition at the turn of the 21st century. New York: Palgrave MacMillan, 2014. — 216 p.

Solovyov V. M. ON THE SUPERHUMAN AFFAIRS [p. 173–177]

Review of the monograph: Samokhvalova, V. I. Superman: Image. Metaphor. Program. M.: Your format, 2015. — 400 p.

А В Т О Р Ы

Артамошкина Людмила Егоровна, доктор философских наук, доцент кафедры культурологии, философии культуры и эстетики Санкт-Петербургского государственного университета
e-mail: le.artspb@gmail.com

Безлепкин Николай Иванович, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин Северо-Западного открытого технического университета
e-mail: nick-bezlepkin@yandex.ru

Ваньчык Даниэль, Ягеллонский университет (Краков, Польша)
e-mail: wanczyk@onet.eu

Ворочай Вероника Валерьевна, выпускница кафедры истории русской философии Института философии Санкт-Петербургского государственного университета
e-mail: veronika.vorochay@mail.ru

Душин Олег Эрнестович, доктор философских наук, профессор кафедры истории философии Философского факультета Санкт-Петербургского государственного университета
e-mail: odushin@mail.ru

Леховска Марта, PhD, преподаватель Ягеллонского университета (Краков, Польша)
e-mail: herberciana@gmail.com

Малинов Алексей Валерьевич, доктор философских наук, профессор кафедры истории русской философии Санкт-Петербургского государственного университета,
e-mail: a.v.malinov@gmail.com

Мильчарек Михал, PhD, преподаватель Ягеллонского университета (Краков, Польша);
e-mail: norylskinikiel@gmail.com

Назарова Оксана Александровна, кандидат философских наук, Высшая школа философии (Мюнхен, Германия).

e-mail: ap-image@mail.ru

Налдониова Ленка, доктор философии, доцент кафедры философии Университета Остравы, Чехия.

e-mail: Lenka.Naldoniova@osu.cz

Оболевич Тереза, габилитированный доктор философии, зав. кафедрой философии религии, зам. декана философского факультета Папского университета Иоанна Павла II в Кракове (Польша), член Центра междисциплинарных исследований им. Коперника.

e-mail: tereza.obolevich@upj2.edu.pl

Павлов Валерий Лукьянович, кандидат философских наук, доцент кафедры философии Национального университета пищевых технологий (Киев, Украина)

e-mail: vpravlov52@gmail.com

Пешперова Изольда Юрьевна, кандидат юридических наук, профессор кафедры международного и гуманитарного права Северо-Западного института управления РАНХиГС при Президенте РФ.

e-mail: iseutp@gmail.com

Рыбас Александр Евгеньевич, кандидат философских наук, доцент кафедры истории русской философии Санкт-Петербургского государственного университета.

e-mail: alexirspb@mail.ru

Савельева Марина Юрьевна, доктор философских наук, профессор кафедры философии науки и культурологии Центра гуманитарного образования Национальной академии наук Украины (Киев, Украина)

e-mail: mars6464@gmail.com

Саканива Ацуси, PhD, доцент университета Васэда (Токио, Япония)

e-mail: sakaniwa@waseda.jp

Симосато Тосиюки, доктор философских наук, профессор Дзёэцу университет образования (Япония)

e-mail: simosato@mail.ru

Соловьев Владимир Михайлович, доктор исторических наук, профессор кафедры мировой культуры Московского государственного лингвистического университета

e-mail: v-soloviev@mail.ru

От редакции

Редакция принимает материалы для рассмотрения в электронном варианте (формат MS Word) с приложением бумажной копии при обязательном указании Ф.И.О. автора, места его работы, ученой степени и звания, домашнего адреса и телефона. Объем принимаемых материалов — до 40 000 знаков.

Авторы рукописей представляют вместе с рукописью одну рецензию, заверенную печатью организации или структурного подразделения организации (или отдела кадров), в которой работает рецензент. Рецензия должна быть написана специалистом в соответствующей области знаний, для аспирантов — научным руководителем.

На заседании редколлегии для рецензирования поступившей рукописи утверждается внешний рецензент из числа докторов (кандидатов) наук в соответствующей области знаний, а также назначается один из членов редколлегии — специалист по соответствующей научной тематике, указанной автором (в соответствии с номенклатурой специальностей научных работников), представляющий рецензию на рукопись к следующему заседанию редколлегии. В случае, если все рецензии положительны, статья принимается к публикации, в иных случаях — рукопись возвращается автору (по запросу автора) либо отправляется на дополнительное рецензирование.

Авторы опубликованных статей несут ответственность за точность приведенных цитат, научных и статистических данных, собственных имен, географических названий, прочих сведений и соответствие ссылок оригиналу. Редакция при подготовке материалов к публикации имеет право их сокращать, не искажая идей автора и с условием сохранения его основных мыслей и стиля. Позиция редакции и авторов не всегда совпадают.

Журнал является безгонорарным.

Адрес редакции:

199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, д. 5,
философский факультет СПбГУ,

Отдел науки — журнал “Мысль”. Тел.: (812) 328-94-40. E-mail: philosophical.society@gmail.com

---

Научное издание

МЫСЛЬ

Журнал Петербургского философского общества

Вып. 20

Обложка художника *В. В. Капустина*

Верстка *Н. Л. Балицкая*

Лицензия ИД № 05679 от 24.08.2001.

Подписано в печать 26.08.2016. Формат 70×100 1/16. Печать офсетная.

Издательство С.-Петербургского университета
199004, С.-Петербург, В. О., 6-я линия, 11/21.

Типография Издательства СПбУ
199061, С.-Петербург, Средний пр., д. 41